

2. Арлукевич, А.Б. Участие предпринимателей г. Гродно в расквартировании частей российской армии (последняя четверть XIX — начало XX вв.) / А.Б. Арлукевич // Весн. Гродз. дзярж. ун-та імя Янкі Купалы. Сер. 1., Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. — 2013. — № 2. — С. 6—12.
3. Зайончковский, А.М. Подготовка России к империалистической войне / А.М. Зайончковский. — М.: Гос. воен. изд-во, 1926.
4. Сборник военных обзоров Западной России и пограничных областей Австро-Венгрии и Германии / Воен.-учеб. ком. Гл. штаба; под ред. полковника Сухотина. — СПб.: Воен. тип. в здании Гл. штаба, 1883. — Вып. 3.
5. Сборник военных обзоров Западной России и пограничных областей Австро-Венгрии и Германии / Воен.-учеб. ком. Гл. штаба. — СПб.: Воен. тип. в здании Гл. штаба, 1895. — Вып. 17.

Буняк Антонина Ивановна

Республиканский институт высшей школы (Минск, Беларусь)

РОЛЬ БОБРУЙСКОГО ДИСЦИПЛИНАРНОГО БАТАЛЬОНА В ОБЕСПЕЧЕНИИ И ПОПОЛНЕНИИ БОЕВЫХ ЧАСТЕЙ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

К началу войны Бобруйская крепость уже была ликвидирована как стратегическая оборонительная единица и не имела статуса крепости, однако в ней продолжал функционировать Бобруйский дисциплинарный батальон, сформированный в марте 1875 г. и ставший первым военно-исправительным учреждением нового типа на территории Российской империи [1, с. 10]. В результате данного изменения бывшие арестантские роты преобразовывались в военно-исправительные роты, сущность пребывания в которых состояла не в отбывании наказания, а в исправлении поведения нижних чинов. В дисциплинарные батальоны направляли лишь тех военнослужащих, которые совершили преступления исключительно воинские (против дисциплины, подчиненности и порядка службы). В стенах учреждения солдат обучали грамоте, ремеслу, а также воспитывали физическими упражнениями [1, с. 18].

Известие о войне роты батальона, как и во всей российской армии, встретили с воодушевлением. Командующий Бобруйским дисциплинарным батальоном полковник С.Д. Волков приказом № 119 от 18 июня по воинскому гарнизону об объявлении мобилизации обра-

тился к солдатам гарнизона со следующей речью: «Заключенные, забудьте, что были в вашей жизни ошибки, за которые вы попали в батальон, принесите полное раскаяние в совершенных вами проступках и помните только одно, что настал момент, каждый из вас как честный солдат и преданный своему долгу воин может принести свою посильную лепту за престол дорогой родины». Далее он продолжал: «Ваши силы и труды нужны не только в боевых рядах армии, но и здесь, в батальоне, когда от вас потребуется выполнение на месте как служебных обязанностей, так и работ, связанных с деятельностью всей нашей армии» [5, л. 31].

Согласно Положению о дисциплинарных батальонах, ротах и командах от 30 октября 1892 г. (пункт 86), время, проведенное нижними чинами в дисциплинарном батальоне, роте или команде, засчитывалось им в срок действительной службы. Кроме того, предусматривалось также сокращение срока пребывания в дисциплинарном батальоне батальонным командиром или комитетом не более как на 1/6 часть срока в случае прилежного обучения воинской науке и хорошего поведения (пункт 5) [2, с. 17—18]. Таким образом, солдаты имели определенную заинтересованность в добросовестном прохождении службы в батальоне.

На основании Высочайшего повеления от 23 июля 1914 г. в отношении 418 заключенных батальона исполнение приговора считалось приостановленным: солдаты были освобождены из заключения и 22 сентября отправлены в действующую армию [4, л. 23, 37].

После отправления 26 июля на фронт 157-го Имеретинского пехотного и 158-го Кутаисского пехотных полков в стенах крепости оставался дисциплинарный батальон в количестве 566 нижних чинов, 495 из которых являлись заключенными. В обязанности батальону было вменено обеспечение действующей армии хлебом и сухарями [4, л. 2].

Со временем нужды фронта по обеспечению хлебом возросли, и в ноябре 1914 г. в лагерях и казармах пехотных полков 40-й пехотной дивизии начали размещать дополнительные команды хлебопеков в числе четырех рот в среднем из 35 солдат и шести кадровых унтер-офицеров в каждой. Общее число хлебопекарных рот увеличилось до шести. Личный состав составляли заключенные и досрочно освобожденные солдаты [5, л. 73].

В докладе от 28 ноября 1914 г. начальника батальона полковника С.Д. Волкова председателю Минского окружного суда генерал-лейтенанту Арбузову отмечалось, что поведение солдат дисциплинарного батальона «на сегодняшний день более чем удовлетворительное, что объясняется, с одной стороны, нравственным воздействием духовных и начальствующих лиц и усиленной работой, а с другой — надеждой

заклученных на досрочное освобождение и отправление в действующую армию» [5, л. 73].

С начала 1915 г. патриотизм солдат Бобруйского дисциплинарного батальона поубавился. Со стороны вновь прибывающих прикомандированных и осужденных солдат в батальоне наблюдалось систематическое грубое нарушение дисциплинарного устава: только со 2 по 9 января 1915 г. было совершено пять побегов и три самовольные отлучки, трое солдат были арестованы за игру в карты, не говоря уже о том, что полковник С.Д. Волков, проходя мимо поста, застал дневального спящим в военной будке, за что последний получил 30 суток ареста. Исходя из этого случая, Волков предписывал своим подчиненным «внутри нижним чинам, что как часовой, так равно дневальный, несмотря ни на какую погоду, не имеют права входить в будку, т. к. таковая, согласно §108 Устава Гарнизонной службы, служит только для вешания на ней постовой одежды» [3, л. 14].

К началу 1915 г. относятся и первые факты поразительного незнания порядка службы не только заключенными, но и некоторыми младшими офицерами гарнизона.

Так, полковник С.Д. Волков в приказе № 48 по батальону от 7 февраля 1915 г. писал: «Сего числа при обходе мною батальона от третьей роты присутствовал на занятиях. Старший унтер-офицер Степанов объяснял сборку и разборку винтовки, читая таковую по книге. Меня поразило, что старший унтер-офицер не может без учебника объяснить сборку и разборку винтовки, которую должен знать в мельчайших подробностях и настолько твердо, чтобы не прибегать к помощи учебника. Командиру роты раньше, чем поручать унтер-офицеру вести занятия с нижними чинами, следовало самому убедиться, достаточно ли приготовлены унтер-офицеры для самостоятельного ведения занятий» [3, л. 48].

Все чаще становилось заметно недостойное поведение младших офицеров на улицах Бобруйска. Так, за недобросовестное отношение к обязанностям начальник батальона наложил на подчиненных арест за то, что «12-го сего января 2-й роты старший офицер Петр Локотников и младший унтер-офицер Иван Кругликов, будучи посланы командиром роты для розыска самовольно отлучившегося из роты нижнего чина, около часа ночи были встречены на главной улице города начальником артиллерийского склада в компании каких-то женщин, причем оба унтер-офицера курили папиросы. Прошу командиров и всех офицеров обратить самое строгое внимание на несение службы и поведение унтер-офицеров, так как за последнее время участились случаи небрежного и недобросовестного несения службы унтер-офи-

церами и эти нижние чины, вместо того чтобы своим поведением всюду и везде служить примером для остальных нижних чинов и заключенных батальона, напротив, подают дурной пример и развращающе действуют на них. Предупредил, что за проступки будет лишать унтер-офицерского звания» [3, л. 48].

Таким образом, все более неподобающее поведение командиров самым худшим образом сказывалось на дисциплине и без того сложного контингента солдат батальона. Соответственно, качество моральной и боевой подготовки не могло соответствовать необходимому уровню, что являлось в последующем причиной дезертирства.

Все больше растущее в течение 1915 г. число дисциплинарных нарушений, среди которых — игра в карты, самовольные отлучки, драки, неподобающее поведение с горожанами и побеги, становилось традиционной сводкой ежедневного приказа по батальону. Результатом вышеперечисленных бесчинств стал изданный 27 мая 1915 г. приказ по гарнизону Бобруйской крепости за № 53, в котором объявлялось об учреждении военно-полевого суда при Бобруйском дисциплинарном батальоне: «Рассматривать в этом суде дела о бежавших нижних чинах, как задержанных на станции Бобруйск, так и из прочих мест, где не представляется возможность формирования военно-полевого суда» [3, л. 253].

Всего в первый месяц работы военно-полевого суда было предано суду 18 нижних чинов за самовольную отлучку и один унтер-офицер за безответственное отношение к службе. Окончательным же итогом работы стало полное отсутствие самовольных отлучек в дисциплинарном батальоне в течение месяца июня. Однако данная мера не принесла желаемого результата. В телеграмме главный начальник военного округа генерал от кавалерии барон Рауш-фон-Траубенберг отмечал, что, «несмотря на воспрещение увольнения нижних чинов и прекращение отпусков для нижних чинов команд выздоравливающих (приказ по округу от 25 июля 1915 № 522), по имеющимся сведениям, таковые проступки, особенно под видом командировок, продолжают» [3, л. 256].

Если в начале войны в дисциплинарном батальоне младшие чины отличались заметным усердием в исполнении своих тыловых обязанностей и имели место только отдельные случаи нарушения дисциплины нижними чинами батальона, то по мере продолжения войны количество нарушений возросло, в том числе и среди младшего офицерского состава.

Таким образом, исход боевых операций на фронтах войны прежде всего зависел от уровня боевой и моральной подготовки солдат. Дисциплинарный батальон, призванный поддерживать уставной режим,

обязующийся приучать к порядку строевой службы нижние чины, уже в первые годы войны оказался неспособным выполнить функции исправительного учреждения и отправить на фронт «морально устойчивых и подготовленных солдат».

Библиографический список

1. Бонч-Бруевич, В. Волнение в войсках и военные тюрьмы / В. Бонч-Бруевич. — Пг, 1918.
2. Гвоздков, С.В. Военно-тюремная система российского государства в 1825—1914 гг.: ист. исслед.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / С.В. Гвоздков. — М., 2011. — 18 с.
3. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). — Фонд 593.— Оп. 1. — Д. 4.
4. РГВИА. — Фонд 593. — Оп. 1. — Д. 5.
5. РГВИА. — Фонд 593. — Оп. 1. — Д. 6.

Бурень Николай Викторович

Военная академия Республики Беларусь (Минск, Беларусь)

СУДЬБА ВОЕННОГО ЛЕТЧИКА ПЯТОСИНА

Начало XX в. стало эрой зарождения и бурного развития авиации. Полеты аэропланов вызывали огромный восторг у зрителей, и авиаторы становились подлинными кумирами у себя на родине и за рубежом. Следует отметить, что скорость и продолжительность пребывания в воздухе летательных аппаратов постоянно увеличивались. Именно поэтому довольно скоро ведущие европейские государства стали рассматривать воздушное пространство в качестве важной сферы вооруженной борьбы в ходе будущих боевых действий. Россия в 1911 г. приступила к созданию первых авиационных отрядов [7, с. 29—31]. Для комплектования соответствующих подразделений понадобились смелые и решительные люди, избравшие для себя опасную профессию. Одним из них стал Пятосин Евгений Степанович, военная служба которого была непосредственно связана с Беларусью.

Евгений Степанович Пятосин родился 21 февраля 1887 г. в Киевской губернии. С 1897 по 1906 г. обучался в Гомельской гимназии. Примечательно, что в данной гимназии с 1905 г. учился наш выдающийся земляк, будущий известный авиаконструктор Павел Осипович